

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«Романтическое настроение»

Даниэла Стил

День Рождения
Ты меня не забывай
Прости меня за любовь
Отзвуки эха
Свет в окне
Счастливики
Родные люди

Нора Робертс

Сердце океана
Слухи об ангелах
Подсказка для спящей
красавицы
Луна над Каролиной
Красная лилия
Небо Монтаны
Смуглая ведьма

Сандра Браун

Дом, в котором нет тебя
Пламя страсти
Тайный брак
Дороже всех сокровищ
Свадебный венок
Жажда
Не говори ни слова

Нора Робертс

*Смуглая
ведьма*

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Nora Roberts

DARK WITCH

Copyright © Nora Roberts, 2013. This edition published by
arrangement with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского С. Володиной
Художественное оформление Г. Федотова

Робертс, Нора.

P58 Смуглая ведьма : [роман] / Нора Робертс ; [пер. с
англ. С. Б. Володиной]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 416 с.— (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-93655-7

Красавица Айона не похожа на своих друзей и подруг, она «странная»: говорит с лошадьми, и те ее понимают; умеет вызывать огонь силой взгляда...

И когда девушка решает переехать в Ирландию, чтобы найти своих двоюродных брата и сестру и поближе познакомиться с ними, она даже не подозревает, какие тайны и испытания ее ждут! Сможет ли Айона смириться с тем, что она — далекий потомок настоящей ведьмы, однажды бросившей вызов колдуну? Хватит ли ей сил победить древнее Зло?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Володина С., перевод на русский
язык, 2017

© Издание на русском языке,
оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93655-7

*Посвящается могуществу семьи,
данной от рождения и обретенной,*

Когда средь молний, в дождь и гром
Мы вновь увидимся втроем?

*У. Шекспир, «Макбет»
(пер. Б. Пастернака)*

Глава 1

Зима 1263

В чаще леса, недалеко от того места, куда легла тень замка, Сорка вела своих детей к дому. Двое младших ехали верхом на коренастом пони, и Тейган — ей еще не исполнилось и трех — при каждом шаге мотала головкой. Устала, еще бы — перевозбудилась на Иمولке¹. Костры, пиршество...

— Эймон, смотри за сестренкой!

Для пятилетнего Эймона смотреть за сестренкой означало взбудрить ее тычком, чтобы немедленно вернуться к лепешкам, которые утром напекла мама.

— Скоро будем дома — и спать, — проворковала Сорка, когда Тейган захныкала. — Мы уже почти приехали.

Не надо было так долго торчать на поляне, теперь думала она. И хотя праздник Имолок символизировал первые движения во чреве Матери-Земли, зимняя ночь все равно опустилась чересчур быстро и резко.

¹ Первый в году сезонный праздник кельтов — праздник приближения весны. Посвящался богине плодородия Бригид и отмечался между зимним солнцестоянием и весенним равноденствием (31 января — 1 февраля).

А это была морозная ночь с завыванием студеного ветра, несущего заряды снега и ледяного дождя. Всю зиму держался туман, он подползал, стелился, затмевал собою солнце и луну. И слишком часто в этом тумане и ветре Сорке слышалось ее имя — призыв, на который она не давала ответа. Слишком часто в этом бело-сером мире проглядывала тьма.

Вступать с голосом в отношения она не собиралась.

Мужчина Сорки уговаривал ее забрать детей и пожить с его родом, пока он ведет сражения этой бесконечной зимой.

Как жене вождя, были бы открыты все двери. Да и без этого ей везде были рады — благодаря тому, кто она есть.

Но Сорка не могла без своего леса, без своей хижины, без своего дома. Эта жизнь особняком ото всех была ей необходима как воздух.

У нее всегда будет своя жизнь, дом, очаг, ремесло и свои обязанности. А главное — дети, их с Дайти дети. И ночи она не боится.

Сорку знали как Смуглую Ведьму, она славилась большим могуществом. Своим прозвищем она была обязана столь необычному для этих мест оттенку кожи — ее кожа была будто слегка загорелая, что в той или иной степени унаследовали и дети — и темноволосая Брэнног, и златовласая малышка Тейган, и Эймон, с его пышными темно-каштановыми волосами.

При этой мысли Сорка остро ощутила тоску по своему мужчине, по его теплу, ладному крепкому телу, по тому, как он прижимает ее к себе в холодной и пустынной темноте.

Какое ей дело до войны? До алчности и амбиций этих маленьких царьков? Сорке нужно одно — чтобы ее мужчина был дома, целый и невредимый.

Когда он вернется, они родят еще одно дитя. Как же ей хочется вновь ощутить в себе эту новую жизнь! Она до сих пор оплакивает ту жизнь, что потеряла холодной черной ночью, когда по лесу, словно с плачем, пронесся первый зимний ветер.

Сколько она исцелила? Сколько жизней спасла? И однако же, когда из нее самой бежала кровь, вместе с которой исторглась эта едва зародившаяся жизнь, не помогли ни колдовство, ни жертвоприношение, ни уговор с богами.

По правде говоря, ей ли не знать, что лечить других куда легче, чем исцелять себя. И что боги непостоянны, как ветреная девчонка в мае.

— Смотрите! Смотрите! — закричала старшая дочь, семилетняя Брэнног, и кинулась с утоптанной тропы, а за ней и их большой пес. — Терн зацвел! Это знак.

Теперь Сорка и сама увидела — еле заметный намек на белые цветки в спутанных черных ветвях. Первая горькая мысль была — это богиня плодородия Бригид посылает на землю благословение, а ее чрево остается пустым.

Потом Сорка стала смотреть на дочь — первый предмет ее материнской гордости: востроглазая, розовощекая, она кружилась на снегу. И Сорка напомнила себе, что уже трижды получала благословение небес.

— Мам, это знак! — С каждым движением Брэнног ее черные волосы взвивались вверх, она поднимала лицо к ускользящему свету. — Значит, скоро весна.

— Верно. Хороший знак. — Хорошим знаком был и весь этот хмурый день, когда старая колдунья Калук не могла без солнца найти хворост в лесу. Значит, весна будет ранней — такая примета.

Терн цвел обильно, словно приглашая весенние цветы последовать примеру.

В глазах дочки она читала надежду, как и в глазах и голосах собравшихся у праздничного костра. В поисках этой надежды Сорка прислушалась и к себе.

Но почувствовала только страх.

Сегодня «голос» опять может явиться — она его чуяла. Подползет, затаится, станет плести свои козни. «Скорее в дом, — подумала Сорка, — в родную хижину, запереться на засов, и так, чтобы чарами заслонить детей и себя от беды».

Она стегнула пони, чтобы ускорил шаг, и свистом подзвала собаку.

— Быстрее сюда, Брэнног, сестренка уже спит на ходу.

— Весной вернется папа, — задумчиво произнесла девочка.

Хоть у нее и было тяжело на сердце, Сорка улыбнулась и взяла дочь за руку.

— Вернется. Папа будет дома к Билтейну², и мы заткаем пир!

— А можно мне его сегодня увидеть вместе с тобой? В огне?

— У нас очень много дел. Перед сном еще надо скотину накормить.

— Ну хоть на минуточку? — Брэнног обернулась на мать, и в ее дымчато-серых глазах стояла мольба. — Увижу его — и мне приснится, что папа снова дома.

Вот бы и мне так, подумалось Сорке, и на этот раз она улыбнулась от всего сердца.

— Ну хорошо, на минуточку можно, маленькая, но только когда все дела переделаем.

— И когда ты примешь свое лекарство.

² Второй из главных сезонных праздников кельтов. Отмечался в середине отрезка между весенним равноденствием и летним солнцестоянием, т.е. выпадал на 30 апреля или 1 мая и сопровождался ритуальными кострами.

— Лекарство? — Сорка округлила глаза. — Я что, выгляжу больной? Мне требуется лекарство?

— Мам, ты все еще очень бледная, — негромко ответила Брэнног.

— Просто немного устала, не о чем волноваться. Эй, Эймон! А ну-ка, держи сестренку! Аластар почуял дом, теперь его не удержишь. Смотри, чтоб не упала!

— Да, мам, она лучше Эймона ездит.

— Это верно, ведь конь — ее талисман, но сейчас-то — видишь? — она прямо засыпает в седле.

Дорога повернула; копыта пони позвякивали на мерзлой земле, он еще ускорил бег при виде своего сарая возле хижины.

— Эймон, займись Аластаром, он сегодня заслужил лишнюю миску зерна. Сам-то наелся? — добавила она, когда малыш заворчал.

Мальчик широко улыбнулся. Красивый ребенок. Как летнее утро. И вместо того чтобы проворным зайчиком соскочить с коня, протянул маме руки.

«Ласковый малыш, только дай пообниматься», — подумала Сорка, легко сняла сына с седла и поставила на ножки.

Брэнног не нужно было напоминать об обязанностях. Девочка управлялась с хозяйством едва ли не наравне с матерью. Сорка взяла на руки Тейган и, ласково приговаривая, понесла в дом.

— Пора спать, моя хорошая.

— А я — пони, я весь день скачу.

— Конечно, причем самая красивая из всех пони. И самая быстроногая!

За долгие часы их отсутствия огонь в очаге превратился в уголи и сейчас едва согревал жилище. Проносая малышку к ее кровати, Сорка протянула одну руку к очагу. Пламя немедленно вспыхнуло с новой силой.

Она уложила и укутала Тейган, пригладила ей воло-сенки — цвета солнца, как у отца, — и дождалась, пока темные и глубоко посаженные, как у мамы, глазки не закроются.

— Пусть тебе снятся только сладкие сны, — прошеп-тала она и коснулась рукой амулета над кроватью. — Спи спокойно до самого утра. И пусть все, что ты есть и чем ты наделена, сбережет тебя в ночной тьме до самого рассвета.

Она поцеловала мягкую детскую шейку и выпрями-лась, поморщившись от тянущей боли в животе. Эта боль приходила и уходила, но зимой ей становилось хуже. Надо последовать дочкиному совету и принять зелье.

— Бригид, сегодня твой день. Помоги мне поправить-ся! У меня трое детей, и я им нужна. Не могу бросить их одних.

Она оставила уснувшую Тейган и пошла помочь стар-шим детям по хозяйству.

Когда на землю опустилась ночь — слишком стреми-тельно и рано, — она заперла входную дверь и отправи-лась укладывать Эймона.

— Я совсем не устал, ни капельки! — заявил мальчик, с трудом открывая глаза.

— Ну, это я вижу. Вижу, что ты бодр и весел. Будешь сегодня летать, сынок?

— Ага, буду! Высоко-высоко! А ты меня завтра еще научишь? И можно я утром пойду гулять с Ройбирдом?

— И научу. И погулять можно. Что до сокола, ты же знаешь: он твой, ты его видишь, понимаешь, чувствуешь. А сейчас отдыхай. — Она взъерошила ему темно-каштановые волосы и поцеловала в закрытые глазки — синие и озорные, как у отца.

Спустившись с чердака, она застала Брэнног уже сидя-щей у очага со своей собакой.

«Светится здоровьем и силой, хвала богине, — подумала Сорка. — Хотя этого пока не осознает и не умеет этим распорядиться. Даст бог, еще будет время».

— Я заварила чай, — доложила Брэнног. — В точности, как ты учила. Думаю, после него тебе станет лучше.

— Теперь ты меня лечишь, дочка? — Сорка с улыбкой взяла плошку, понюхала и кивнула. — У тебя есть чутье, этого не отнять. Целительство — большой дар. С ним тебе везде будут рады, ты всем будешь нужна, куда бы ни поехала.

— А я никуда ехать не собираюсь. Хочу всегда жить здесь, с тобой, папой, Эймоном и Тейган.

— Когда-нибудь тебе захочется узнать жизнь за пределами нашего леса. И еще у тебя появится мужчина.

Брэнног поморщилась.

— Не нужен мне никакой мужчина. Что я с ним стану делать?

— Ладно, обсудим это в другой раз.

Она присела к очагу рядом с дочкой, завернулась вместе с ней в платок. И выпила отвар. Когда же Брэнног тронула мать за руку, та повернула к ней ладонь, плотно соединив пальцы.

— Ну хорошо, только ненадолго. Тебе спать пора.

— А можно мне самой? Можно я вызову видение?

— Давай поглядим, что у тебя получится. Ты должна увидеть то, что в тебе есть. Сделать то, что считаешь нужным. Увидеть его, мужчину, от которого ты произошла, Брэнног. Его можно вызвать только любовью.

Сорка смотрела, как вьется дым, как вздымаются и опадают языки пламени. «Хорошо, — подумала она, — очень хорошо. Девочка быстро схватывает».

В извивах и впадинах огня начинал формироваться образ. Огонь внутри огня. Силуэты, движения и на какой-то миг — звук далеких голосов.

На лице дочери она видела напряжение, от усердия девочка покраснела испариной. «Это слишком для столь юного создания», — решила Сорка.

— Ладно, — вмешалась она, — попробуем вместе.

Она сфокусировала свою энергию, слив ее с энергией Брэнног.

Короткое рычание, завиток дыма, пляска искр. Потом все улеглось.

И вот он здесь, мужчина, по которому они обе скучают.

У другого очага, заключенного в кружок камней. Блестящие волосы, прижатые тесьмой, ниспадают на темный плащ, наброшенный на широкие плечи. Плащ скреплен соответствующей его званию брошью, поблескивающей в свете пламени.

Эту брошь с изображением собаки, коня и сокола она сама выплавил для него в огне, следуя всем законам магии.

— Вид у него усталый, — заметила Брэнног и прижалась головой к маминой руке. — Но он такой красивый! Самый очаровательный из всех мужчин.

— Это верно. Красивый, сильный и отважный. — Как же она соскучилась!

— А ты видишь, когда он вернется?

— Не все можно увидеть. Может быть, когда он будет поближе, мне удастся считать какой-нибудь знак. А сегодня мы видим, что он здоров и невредим, и этого достаточно.

— Он думает о тебе. — Брэнног обернулась к матери. — Я это чувствую. А он чувствует, что мы о нем думаем?

— У отца нет нашего дара, зато есть сердце и любовь. Так что, наверное, чувствует. А теперь спать. Я скоро тоже поднимусь.

— Зацвел терн, и старая ведьма сегодня не видела солнца. Значит, он скоро вернется.

Поднимаясь, Брэнног поцеловала мать. Собака вместе с ней поднялась по лестнице. Сорка осталась одна и стала смотреть на своего любимого в языках пламени. Сейчас, без свидетелей, она расплакалась.

Не успела высушить слезы, как услышала знакомый манящий звук.

Он мог бы ее утешить, окружить теплом — столь сильны его лживые соблазны. Он даст ей все, чего она захочет, и даже больше. Надо только отдаться ему.

— Никогда я не буду твоей.

Будешь. Ты уже моя. Идем же, и ты познаешь все удовольствия и полноту власти.

— Ни меня, ни того, чем я наделена, ты не получишь вовек!

Образ в огне изменился. И он вошел в пламя. Тот, чье могущество и устремления были чернее зимней ночи. Кэвон. Тот, кто жаждал заполучить ее — ее тело, душу, кодовскую силу.

Колдун вождедел Сорку, она кожей ощущала его похоть — будто ее касались потные ладони. Но более всего понимала, что он хотел заполучить ее дар. Эта жажда просто висела в воздухе.

В языках пламени ее мужчина улыбался — красивый и беспощадный.

Ты будешь моей, Смуглая Сорка. Ты и все, чем ты одарена. Мы созданы друг для друга. Мы одно целое.

«Ну уж нет, — подумала она. — Мы не одно и то же. Мы как день и ночь, как свет и мрак, которые сливаются только в тени».

Вижу, ты в одиночестве. Тебе тяжело. Твой мужчина оставил тебя в холодной постели. Иди же в мою, со-

грейся. Ощути жар. Сотвори этот жар со мной вместе. Вдвоем мы станем править миром.

Настроение упало, тянущее ощущение в животе превратилось в острую боль.

Она поднялась, впустила теплый ветер и подставила ему волосы. Собрала назад всю свою энергию, выпущенную для колдовства, и вся засветилась ею. Но и сквозь пламя Сорке были видны вожделение и алчность в чертах лица Кэвона.

Она знала, чего он хочет, — света, что бежит по ее жилам. Того, чего ему никогда не заполнить.

— Узнай мои мысли, измерь мою власть и помни о них каждый день, каждый час. Всегда ты приходишь в дыму и огне и с черною похотью липнешь ко мне. Ты жаждешь детей моих, мужа и род себе подчинить, их силу вобрать, чтобы я предала их и стала твоей — для этого надо лишь руку подать. Так вот мой ответ, сквозь ветра и моря: не будет по-твоему, тешишься зря! Как дева, как мать, как колдунья — свою я волю тебе повторю: да будет так!

Она распростерла руки, высвободила всю свою женскую ярость, скрутила ее в тугой комок и запустила ему прямо в сердце.

И ощутила несказанное блаженство, услышав, как он завопил от боли и бешенства и как эти чувства, отразившись от языков пламени, ударили ему в лицо.

После чего пламя превратилось в обычный огонь, который будет тихонько теплиться до утра, согревая жилище в холодной ночи. И дом ее вновь стал обыкновенной хижинкой, безмолвной и едва освещенной. А она — просто женщиной, ночующей в доме одна со своими детьми.

Сорка резко опустилась в кресло и обхватила рукой раздираемый болью живот.

Кэвон исчез, по крайней мере, на время. Но в ней остался страх — страх перед колдуном и перед мыслью о том, что, если ее не исцелит ни снадобье, ни молитва, дети ее останутся беззащитными.

Когда Сорка пробудилась, малышка лежала у нее под боком, свернувшись калачиком, и это придало ей сил встать навстречу новому дню.

— Мам, мам, не уходи.

— Ну что ты, радость моя, мне же столько дел нужно переделать. А ты должна быть в своей кровати.

— Приходил плохой дядя. Он убил моих пони!

Сорку охватила паника. Что, если Кэвон замахнется на ее детей — на их тела, разум, души? Ее охватил невыразимый страх, невыразимая ярость.

— Это всего лишь сон, детка. — Она крепче прижала Тейган к себе, покачивая и успокаивая девочку. — Только сон.

Но в снах таится своя сила и опасность.

— Мои пони кричали, а я не могла их спасти. Он их поджег, и они кричали. Потом пришел Аластар и сбил плохого дядю с ног. Я ускакала верхом на Аластаре, но пони спасти не смогла. Я боюсь этого злого дядю, он мне снится.

— Он тебя не обидит. Я ему не позволю, ни за что! Он может обижать только пони во сне. — Сорка закрыла глаза и поцеловала взъерошенную головку и нежные щечки дочери. — А нам с тобой приснятся новые пони. Зелененькие, голубенькие...

— Зеленые пони!

— Конечно. Зеленые, как наши горы. — Свернувшись поуютнее, Сорка подняла руку, согнула палец и стала рисовать им круги, пока в воздухе над их головами не заплясали пони — голубые, зеленые, красные, желтые...